

ЕРЕВАНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ ЯЗЫКОВ И
СОЦИАЛЬНЫХ НАУК им. В.Я. БРЮСОВА
АРМЯНСКАЯ ОБЩЕСТВЕННАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ КУЛЬТУРНОГО
СОТРУДНИЧЕСТВА С ЗАРУБЕЖНЫМИ СТРАНАМИ
ОБЩЕСТВО ДРУЖБЫ «АРМЕНИЯ – РОССИЯ»

К 250-летию со дня рождения
Н.М. Карамзина

**Н. М. КАРАМЗИН:
РУССКАЯ И НАЦИОНАЛЬНЫЕ ЛИТЕРАТУРЫ**

Материалы международной
научно-практической конференции
14-16 октября 2016 г.

Ереван-2016
«Издательский дом Лусабац»

*Печатается по решению Ученого совета
Ереванского государственного университета
языков и социальных наук им. В.Я. Брюсова*

**Редакция приносит глубокую благодарность Министерству
Культуры Республики Армения, Министр - А.С. Погосян за
финансовую поддержку в издании настоящей книги.**

УДК 821.161.0
ББК 83.3(2Р)
К 212

Главный редактор: Г.Р. Гаспарян – докт. фил. наук, профессор

Редакционная коллегия:

Амирханян М.Д. – редактор-составитель, докт. фил. наук, профессор. Айзикова И.А. – докт. филос. наук, профессор. Томский госуниверситет. Амирханян А.М. – канд. фил. наук, доц., АГПУ им. Х. Абовяна. Доманский В.А. – докт. пед. наук, профессор. Санкт-Петербургский госуниверситет Морского и Речного Флота им. адмирала С.О. Макарова. Долуханян А.Г. – докт. фил. наук, профессор АГПУ им. Х. Абовяна, член-кор. НАН Армении. Захариадзе А.Т. – докт. филос. наук, профессор. Тбилисский госуниверситет им. И. Джавахишвили. Карабущенко П.Л. – докт. филос. наук, профессор. Астраханский госуниверситет. Киричук Е.В. – докт. фил. наук, профессор. Омский госуниверситет им. Ф.М. Достоевского. Смирнова А.И. – докт. фил. наук, профессор, ИГН МГПУ.

Н. М. Карамзин: Русская и национальные литературы: Материалы международной К 212 научно-практической конференции. -Ер>: Лусабац, 2016.- 707 с.

В книгу включены материалы Международной научно-практической конференции, посвященной 250-летию со дня рождения Н.М. Карамзина. В публикациях сборника отображено многогранное творчество Н.М. Карамзина.

В издание включены разработки исследователей учебных и научных центров России, Италии, Словакии, Китая, Германии, Испании, Грузии и Армении.

Редакция не всегда согласна с включенными в книгу материалами, как содержательно, так и в оформлении и трактовке проблемы. Поэтому статьи публикуются в авторской версии.

УДК 821.161.0
ББК 83.3(2Р)

ISBN 978-9939-69-189-3

© Амирханян М.Д., 2016

**ПОВЕСТЬ “ОСТРОВ БОРНГОЛЬМ” В КОНТЕКСТЕ
ПУБЛИЦИСТИКИ Н.КАРАМЗИНА 1790-х гг.**

Ю.М.Ходжоян, А.С.Атанесян

Кандидаты филологических наук, доценты, ЕГУ

В последнее время творчество Н. Карамзина все чаще исследуется в контексте проблемы предромантизма в русской литературе; выявляются особенности “русского предромантизма”, продолжается процесс уточнения самих терминов – “предромантизм”, “ранний романтизм”, “ранние романтические веяния”, “предромантические тенденции” (См. А. Архипова, В. Западов и др.) При этом традиционным является восприятие повести Н.Карамзина “Остров Борнгольм” в контексте развития “готического” романа. Критиками традиционно указывается на наличие в повести сложной философской проблемы, связанной с противостоянием между “законами природы” (“требованиями сердца”) и “законами общественной жизни”; поэтика повести, как правило, определяется стремлением автора “сгустить атмосферу страшной тайны до предела эмоциональной переносимости” (3:165). Общим тоном повествования объясняется и пейзажное “обрамление” сюжета. Обоснованным представляется рассмотрение повести в контексте философско-эстетических взглядов автора 1790-х годов, его программных просветительских идей, что, в целом, будет способствовать дальнейшему уяснению проблематики произведения, выявлению всей сложности его архитектоники.

Известно, что повесть “Остров Борнгольм” пронизана пессимизмом автора, вызванного Французской революцией, якобинской диктатурой и последующими событиями в Европе. Произведение впервые было напечатано в альманахе “Аглая” в 1774году. В эти же годы автор пишет и издает ряд публицистических и критических статей – “Мелодор к Филалету. Филалет к Мелодору”, “Разговор о сча-

сти. Филалет и Мелодор”, “Нечто о науках, искусствах и просвещении”, “Что нужно автору?” и др. Г. Макогоненко, характеризуя публицистику автора, писал: “Творчество Н.Карамзина оригинально потому, что он мыслил глубоко и независимо. Его мысль рождалась в напряженном и трудном обобщении опыта бурных событий европейской и русской жизни” (4:5). В своих публицистических статьях Н.Карамзин особое внимание уделяет проблемам моральным. Моральное совершенствование отдельно взятой личности и общества в целом, по мнению писателя, является гарантом будущего благополучия человечества. Размышляя о морали и добродетели, автор уточнял, что лишь верное понимание законов природы позволит человеку пробудить в себе “естественную нравственность” – речь, конечно, не о ханжеской или выхолощенной нравственности, а обращающей человека к его природному естеству. Пишет Н. Карамзин в своих статьях и об этической ответственности граждан перед обществом. Все мысли писателя проникнуты глубокой верой во “вsesилие разума”.

В статье “Нечто о науках, искусствах и просвещении” (1793г.) провозглашались приоритеты естественных (природных) прав человека: в их ряду “справедливость”, “братство”, “милосердие”. Писателю была близка идея о “братском, вселенском единстве” между людьми. В какой-то степени символично то, что работа писалась почти сразу после драматичных событий во Франции: суда над французским королем и его казни. Н.Карамзин выражал надежду, что эти кровавые события останутся в прошлом; человечество же, “озаренное светом просвещения, направит свое сознание в сферу добродетели и созидания”. “Когда же свет наук, свет истины, – читаем у Н.Карамзина, – озарит всю землю и проникнет в самые темнейшие пещеры невежества, тогда, может быть, исчезнут все нравственные гарпии, доселе оскверняющие человечество, и там, где

возвышаются теперь кровавые эшафоты, там сядет добродетель на светлом троне" (2:60).

Статья несет на себе следы полемики Карамзина с Руссо, связывавшего в своем трактате "Рассуждение о науках и искусствах" (1750г.) развращение человеческих нравов с развитием наук, прогрессом и провозглашавшего необходимость защиты нравственных чувств от разлагающего влияния общества. Н.Карамзин здесь выражает свою глубокую просветительскую веру в благое влияние наук на человеческие нравы и в поддержку своих мыслей цитирует швейцарского философа натуральной школы Боннета (Бонне Шарля), писавшего: "Размышляющий человек может и должен надеяться, что впоследствии веков объяснится весь мрак в путях философии и заря наших смелейших предчувствий будет некогда солнцем уверения" (2:48-49). В своем философском очерке русский автор стремился показать, что возникновение наук и искусств связано с "природным стремлением человека к улучшению своего бытия..." (2:46) В статье отразились размышления Карамзина о "достоинстве естественного человека", об истинном просвещении, о человеке "чувствительном", который силой морали и добра может способствовать распространению "естественной свободы" человека...

"Человек просвещенный" в системе оценок Н. Карамзина — человек, осознающий необходимость активной борьбы "за усовершенствование человеческой природы", "за исправление нравственности", "за распространение света наук", за приоритеты разума и лишь тогда, по мнению автора, можно будет надеяться "на устроение мирного блага жизни"; "тогда даже настоящее зло послужит к добру будущему" (2:187). Просвещение, просвещенность всегда связывались писателем с особой душевной организацией человека; быть просвещенным для Карамзина означает "стать гарантом благоденствия на земле".

В статье "Что нужно автору?" (1793г.) Н.Карамзин говорил о том, что не стиль или поэтические приемы определяют достоинства автора, но его чувства, обусловленные общественной и нравственной позицией. К высшей способности человека Н.Карамзин относил умение "возвышаться до страсти к добру" и гуманистической настрой человека в целом. Понятие гуманизма, с одной стороны, связывалось Карамзиным с целенаправленным настроением личности выявлять и укреплять в себе все самые лучшие, возвышенные устремления, данные Богом, с другой, зиждилось на безоговорочной вере в высшую ценность личности с ее неотъемлемым природным стремлением к самосовершенствованию.

Как следует из публицистических статей Карамзина, мерилем цивилизованного общества для него являются "тонкость чувств", "нежность сердца", "гуманность" не только идей, но и эмоций. "Душевная тонкость", по Карамзину, подразумевает возможность различать даже самые незначительные оттенки и степени чувств. В недрах культуры писатель и публицист Н.Карамзин чувствовал тот источник, который мог привести в человеческую жизнь системность и упорядоченность.

Искания Н.Карамзина — публициста во всей сложности запечатлены в статье (письмах) "Мелодор к Филалету. Филалет к Мелодору" (1793г.): здесь ярко прозвучали тревожные мысли писателя о будущем человечества, судьбе цивилизации. В статье представлены две точки зрения, две позиции. Одна пронизана сомнением в действительности и жизнеспособности идей Просвещения и гуманизма. "Чувствительный философ" Мелодор (по-гречески, "даритель песен") с горечью говорит "о свирепой войне, опустошающей Европу", об ожесточающихся человеческих сердцах, о "падении наук" в век просвещения... "Где плод наук и мудрости, — возмущается Мелодор. — Где возвышение

кротких, нравственных существ, сотворенных для счастья! Век просвещения! Я не узнаю тебя – в крови и пламени, не узнаю тебя – среди убийств и разрушений не узнаю тебя!..(2:180). Голосом Мелодора рассказывает писатель о постигших его потрясениях и разочарованиях.

Филалет же (по-гречески; “любитель истины”) принимает объективный закон природы – закон совершенствования природы, разума, характера; человек, по его убеждению, должен возвышаться к своему совершенству. Даже средневековье рассматривается Филалетом как этап в поступательном процессе общего развития человечества от низшей ступени к более высокой; этап, подготовивший “дальнейшее распространение света наук” (2:187). Катастрофа же современной цивилизации, по Филалету, – не следствие просвещения, а свидетельство недостаточной просвещенности. “Осьмой – надесять век не мог именовать себя просвещенным, когда он в книге бытия ознаменуется кровью и слезами...” (2:188). В каждой мысли и слове Филалета читатель находил следы, отголоски личного опыта самого писателя, выстраданного и пережитого им. Позиция Филалета прозвучала и в стихотворении Н. Карамзина “Песнь мира”, являющегося переработкой шиллеровского стиха “К радости”. На фоне исторических катаклизмов, льющейся крови, царствующего в Европе хаоса мысли Филалета проиобретали характер горячей и искренней проповеди, высветляющей душу человека. В статье складывается морально-нравственный облик “истинного человеколюбца”, духовно насыщенного и ответственного за судьбу ближнего: “семя добра несет он в душе своей”; “пламя любви” в сердце своем (2:185).

В статье достаточно четко вырисовывается позиция автора-публициста: свою писательскую судьбу в новых исторических условиях Карамзин видит посреди горячих споров, диспутов, в неуклонной борьбе за культурное и

равственное развитие человеческих способностей. Важную роль в современном обществе Н.Карамзин отводит мыслителю, писателю, обладающему “мятущимся разумом”. Скрепляющим, цементирующим началом “нового общества” автор считает непрерывность диалога между писателем/философом и обществом, между людьми.

Все сентенции, рассуждения, мысли публициста Карамзина были, в первую очередь, обращены к его современнику, который мог найти в статьях богатую пищу для собственных размышлений. При этом автор не поучал; он пытался приобщить читателя к собственным исканиям, убеждал его не доверяться мимолетным эмоциям, скороспелым выводам...

“Остров Борнгольм” создавался в период напряженных исканий Н.Карамзина – писателя и публициста. Легшие в основу повести впечатления, связанные с поездкой автора в “чужие земли” и возвращением морем из Англии в Россию, оказываются художественно переработанными и, несомненно, несут на себе черты философско-эстетических взглядов Н.Карамзина 1790-х гг.

В повести “Остров Борнгольм”, сюжетно связанной с традициями европейского готического романа, Н.Карамзин – “чувствительный”, “сентиментальный” путешественник, проявляет живой интерес к человеку, его разуму и страстям, эмоциям и чувствам. Романтический мотив инцеста позволяет автору во всем драматизме показать состояние души несчастных влюбленных, мир их переживаний, одиноких, страдающих, преступивших непреложные нравственные законы человеческого общества. “Герои Карамзина, – пишет Г.Макогоненко, – словно люди, потерпевшие кораблекрушение, выброшенные на суровый и дикий берег, одинокие на безлюдной земле” (4:21-22).

Писатель, умеющий состарать людям, делает читателя активным участником напряженного эмоционального

повествования. Уже сама внешность молодых героев рождает в душе автора определенную эмоциональную реакцию и человеческий отклик. “Несчастный молодой человек! – думал я. – Ты убит роком. Не знаю ни имени твоего, ни рода твоего; но знаю, что ты несчастлив”, – пишет Карамзин о страдающем юноше (1:521). После песни, которая пелась на датском языке и была понята автором, изучавшем датский, Карамзин-рассказчик признается: “Тут, по невольному внутреннему движению, хотел я броситься к незнакомцу и прижать его к сердцу своему”. Прижать его – страдающего, потерянного, в глазах которого “сиял последний луч угасающей жизни” (1:520). Образ же девушки, заточенной в подвале готического замка, ассоциируется у писателя с “полной, бесконечной, всегдашней скорбью”. В одном из лирических отступлений Н.Карамзин все увиденное связывал с варварством и с недоумением и горечью задавался вопросом: “Какая варварская рука лишила тебя дневного света? Неужели за какое-нибудь тяжкое преступление?...” (1:527). Неожиданность предложенной странником помощи, сочувственного слова вызвали, как помним, у молодой девушки целую гамму эмоций: “любопытство”, “нерешимость”, “сомнение”... (1:528). Писатель – гуманист Карамзин был всегда убежден, что преобразование мира к лучшему неизбежно связано с активным духовным состоянием человека, “действующего через любовь...” (“Даже одна искра любви и сострадания может стать ярким лучом света, рассеивающим густую, холодную тьму сердца человеческого...” – говорил он. (2:184) Возможно, истинный трагизм человеческой жизни и кроется в готовности во имя восстановления добродетели совершать бесчеловечнейшие акты, равносильные злодеянию, принося на алтарь той же добродетели судьбы людей; жизнь человека, готового к раскаянию... “Я лобызаю руку, – говорила девушка в короткой беседе с путешественником, – которая

меня наказывает”. “Но сердце твое невинно, – поддерживал ее гуманистически настроенный автор, – оно, конечно, не заслуживает такого жестокого наказания”. “Сердце мое, – отвечала она, – могло быть в заблуждении. Бог простит слабую...” (1:528).

Для Н. Карамзина превыше всего – истина, справедливость, чистота души. А.Смирнов справедливо писал: “Карамзин в своих повестях как бы предвосхищает позднейший и более четко сформулированный и развитый Достоевским, Толстым тезис о том, что главное в человеке – богатство внутренней духовной жизни, чистота ее” (5:9).

Автор, кажется, все же не столь терзаем вопросом, “совместима ли добродетель с требованиями природы (как отмечается рядом критиков), сколь отягощен думами о реальных судьбах молодых людей, которые “варварской рукой” оказались лишены права на раскаяние и искупление своих грехов. С горестью говорит Карамзин о судьбе пленницы, лишенной возможности “в объятиях чувствительной природы” облегчить скорбящее сердце свое”: “ветерок не освежит истлевшей груди ее”, “лучи солнечные не озарят помраченных глаз ее”. “Творец! – восклицал автор. – Почто даровал ты людям гибельную власть делать несчастными друг друга и самих себя?..” (1:529).

Вспоминается состояние отчаявшегося Мелодора: “но что же делать, – размышлял герой, – если из сердца удаляется радостная мысль о совершенстве человеческой натуры, о царстве истины и добродетели”, “когда уже не знаешь, что думать о феноменах нравственного мира, чего ожидать и на что надеяться?” (2:182) Красноречивы, конечно, были ответы Филалета, пронизанные жизнеутверждающим, гуманистическим пафосом. В первый раз “любитель истины” убежденно заявлял: “Я хочу спастись от кораблекрушения с моим добрым мнением и о провидении и человечестве, мнением, которое составляет драгоцен-

ность души моей” (2:185). В другой раз он уже более активно увещевал: “Будем, мой друг, будем ныне утешаться мыслию, что жребий рода человеческого не есть вечное заблуждение и что люди когда-нибудь перестанут мучить самих себя и друг друга. Семя добра есть в человеческом сердце и не исчезнет вовеки...” (2:187) Заметим, что в целом ряде публицистических и критических статей Н. Карамзин делал акцент на естественности нравственных норм как вытекающих из структуры человеческого бытия.

Несомненно, по ходу развития повествования сгущается атмосфера страшной тайны, нагнетаются ощущения мрачных предчувствий; в повести находит отражение специфическая особенность готической идеологии – “стремление к запретному знанию”, которое должно остаться загадкой для домысливания читателем. История таинственной ужасной страсти остается нераскрытой, но эмоционально пережитой повествователем. Сам готический замок приносит в произведение характерный колорит “готических суеверий” и нравов, связанных со средневековьем. Замок становится символом всех тех бед и мучений, которые царят в его недрах. С появлением замка в повествование привносится целый ряд ассоциаций, тесно связанных с традициями рыцарских романов, европейской готической литературы. Замок изображается на фоне угасающего дня, как бы предвеля тему ночных кошмаров, которыми оказался охвачен путешественник. Элементы готического романа пронизывают повествовательный пласт повести: грозные явления природы, суеверные рассказы жителей окрестных мест (голос молвы), замок, его интерьер. Однако, как видим, весь этот художественный арсенал, связанный с литературной “готикой”, нарушается уже введением фигуры отнюдь не “мистического колдуна”, а вполне дружелюбного, гостеприимного хозяина замка... Неоднозначен, конечно, образ “седовласого старца” – затворника.

Любя людей, добродетель, радея о будущем человечества и просвещении (его беспокоит: “Царствует ли любовь на земном шаре?” “Курится ли фимиам на алтарях добродетели”, “Благоденствуют ли народы” мира?) (1:525) он сам, как можно догадаться, преступил божий закон, самолично покарав молодых грешников. “Ослепленный горестью” (“Вечная горесть обитает в стенах здешнего замка, – говорит герой страннику) (1:525), покинутый людьми, лишенный сострадания, он оказался выкинутым из жизни, отринутым обществом...

Явления природы, пропущенные сквозь призму внутреннего мира автора, с одной стороны, были призваны создать атмосферу таинственного и ужасного, атмосферу трепета “перед творящим могуществом мироздания”; с другой, философская символика меланхолического пейзажа вела читателя к мыслям о бренности и быстротечности земного существования, возможности успокоения в ее лоне.

Глазами тонкого, цивилизованного, чувствительного автора, человека гуманного, умеющего сочувствовать окружающим, показана история трагического разлада между “умом” и “чувством”, “долгом” и страстью”... Изображая человеческую личность с ее противоречиями, эмоциональными порывами, душевными движениями, писатель – гуманист Карамзин неизменно учит ценить человека во всей сложности его переживаний. Примечательно, что выявляя моральные ориентиры человеческого поведения и ратуя за процветание “гуманистического воспитания” в обществе, в одной из своих статей Н. Карамзин особо выделял мысль французского писателя-моралиста Ф. Ларошфуко, утверждавшего: “Нельзя презирать всех тех, которые имеют пороки; но всякий презирает того, кто не имеет никакой добродетели...” (2:73).

Скорее всего, можно говорить и об элементах авторского самоанализа в структуре повести: ведь писатель пристально наблюдал за “процессом собственного чувствования”, за своим восприятием происходящего вокруг. Все это, несомненно, помогло повествователю лучше постичь собственную душу, осознать смысл своего существования. Благодаря, во многом, авторской позиции, нарушалась четкая структура “готического рассказа”: именно через эмоциональные отклики, описания, отступления, медитации рассказчика в повесть привносились философскоэстетические позиции, наложившие определенный отпечаток на художественные и стиливые особенности произведения Н.Карамзина.

Литература

1. Карамзин Н.М. Остров Борнгольм. Собр.соч. в 2-х т-х. Л., “Худ. лит.” Т.1, 1984.
2. Карамзин Н.М. Публицистика. Собр.соч. в 2-х т-х. Л., “Худ. лит.” Т.2, 1984.
3. Коровин В.И.История русской литературы XVIIIв. М.,”Академия”, 2005.
4. Макогоненко Г.П. Николай Карамзин – писатель, критик, историк. Вступительная статья к Собр.соч. в 2-х т-х. Л., “Худ.лит.” Т.1, 1984
5. Смирнов А.Ф. Н.М.Карамзин, историк и публицист. Вступительная статья к книге: Н.М.Карамзин. Избранные статьи и письма. М., “Современник”. 1982.

Оглавление.

Амирханян М.Д.	
Вступительное слово.....	3
Программа конференции	8
И.А. Айзикова	
Роль «пантеона российских авторов» Н. М. Карамзина в формировании культурно-исторического образа Русского писателя.....	17
А.М. Амирханян	
Н.М. Карамзин Л.Н.Толстой: концепция разума и совести	28
М.Д. Амирханян	
Н.М. Карамзин и его армянские зарисовки.....	37
Атанесян А.С.	
Армянские источники в трудах Н.М.Карамзина.....	45
Н.А. Базилая	
Образность поэзии Н.М. Карамзина	52
Михаэла Бёмиг	
Н. М. Карамзин и физиогномика Лафатера	64
Стефано Гардзонио	
Н.М. Карамзин и итальянская поэзия. Его стихотворение «Фиалка»	77
Т.В. Гераськин	
Развитие традиций Н.М. Карамзина в современной мордовской литературе (на примере творчества М.Т.Петрова).....	87
К. Д Гордович	
Карамзин глазами Лотмана	98
Джанумов С.А.	
Восприятие Англии в «Письмах русского путешественника» Н.М. Карамзина.....	104
А.Г. Долуханян	
Карамзин и Х. Абовян (Литературные параллели)	120

К.Т.Сукиасян Лондон в “Письмах русского путешественника” Карамзина.....	586
Т.В. Тадевосян Повесть Н. Карамзина «Остров Борнгольм» и масонская мифология.....	596
Н.Е. Тропкина Орнитологические образы в поэзии Н. Карамзина.	617
К.С. Ханян Творчество Н.М. Карамзина и его отражение в армянской критике XIX века.	627
Ю.М.Ходжоян А.С.Атанесян Повесть “Остров борнгольм” в контексте публицистики Н.Карамзина 1790-х гг.....	634
З.А. Чубракова «Письма Русского Путешественника Н.М. Карамзина и путевые очерки Б.А. Кушнера «Сто три дня на западе»: к проблеме жанровой семантики путешествия	645
К. И. Шарафадина «Что за чудо эти два последних тома Карамзина! какая жизнь!»: карамзинские импульс-мотивы в трагедии Пушкина «Борис Годунов».....	656
Е.А. Шаронова Карамзин и Толстой: диалог сквозь время.....	669
Э.Ф. Шафранская Карамзин как мифологический образ.....	678
Лара Гесс Рецепция Карамзина в Германии.....	687